

УДК 94(47)084.3(571)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/6

СОБЫТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЮГО-ЗАПАДЕ РОССИИ В ВОЕННЫХ СВОДКАХ И ПУБЛИЦИСТИКЕ НАЧАЛЬНИКА НИКОЛАЕВСКОЙ АКАДЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ПРОФЕССОРА А.И. АНДОГСКОГО*

С.Ф. Фоминых¹, А.О. Степнов²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

² E-mail: ASAOM@yandex.ru

Авторское резюме

В статье рассматриваются события гражданской войны на юго-западе России, нашедшие отражение в военных сводках и публицистике начальника Николаевской академии Генерального штаба генерал-майора профессора А.И. Андогского. Академия была эвакуирована в Томск летом 1918 г. Кратко освещаются обстоятельства перехода этого учреждения, с октября 1917 г. размещавшегося в Петрограде и подчинявшегося власти большевиков, на сторону белого правительства в Сибири, а также основные подходы к этому вопросу, представленные в историографии. В Томске А.И. Андогский выступил в качестве военного обозревателя и публициста. Анализируются его публикации в газетах «Русская армия» и «Сибирская жизнь» с точки зрения реконструкции субъективности автора. Воссоздаются личностные оценки событий и лиц гражданской войны, представленные в публикациях. Подчеркивается, что они носят ярко выраженный эмоциональный, отчасти тенденциозный характер. Между тем именно эти черты в оценках и подходах приоткрывают пространство субъективности генерала, а шире – представителей всего Белого движения. Анализируется словарь метафор, среди которых важное место занимают т. н. инфекционные метафоры, а также метафоры «обесчеловечивания» врага. Отмечается, что в редких случаях Андогский прибегал к гротескно-саркастическим приемам, направленным

* Статья выполнена при поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности Национального исследовательского Томского государственного университета.

на высмеивание противника, прежде всего политических лидеров (Ленина, Троцкого, Зиновьева). «Бескомпромиссность» этой публицистики отражает тенденции в формировании устойчивых «белых» позиций по отношению к Германии, большевикам, Скоропадскому, Петлюре, союзникам и т. д. Подчеркивается, что жизнь и установки таких людей, как генерал Андогский, являются каноном образа белого офицера в культуре, в том числе литературе и кинематографе.

Ключевые слова: гражданская война, А.И. Андогский, публицистика, военные сводки, реконструкция субъективности, образ белого офицера, юго-запад России.

EVENTS OF THE CIVIL WAR IN THE SOUTH-WEST OF RUSSIA IN MILITARY REPORTS AND JOURNALISM OF THE HEAD OF THE GENERAL STAFF ACADEMY (IMPERIAL RUSSIA), PROFESSOR A.I. ANDOGSKY*

S.F. Fominykh¹, A.O. Stepnov²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

² E-mail: ASAOM@yandex.ru

Abstract

The paper focuses on the events of the Civil War in the South-West of Russia described in the military reports and journalism of the Chief of the General Staff Academy (Imperial Russia), Brigadier General, Professor A.I. Andogsky. The Academy was subordinated to the Bolsheviks and located in Petrograd since October 1917. In the summer of 1918 it was evacuated to Tomsk. The paper describes the circumstances of the Academy transition to the side of the Siberian White government as well as the main approaches to this issue presented in the historiography. In Tomsk, A.I. Andogsky acted as a military observer and journalist. The authors analyse his publications in the newspapers "Russkaya armiya" and "Sibirskaya zhizn" in terms of the subjectivity reconstruction with the focus on personal assessments of the events and personalities of the Civil War. It is emphasised that these assessments are emotional, partly tendentious. However,

* The research was supported by the International Competitiveness Enhancement Program of the National Research Tomsk State University.

it is these peculiarities that open the space of subjectivity of the General as well as other representatives of the White movement. The authors analyse the dictionary of metaphors, among which the so-called “infectious” metaphors, as well as metaphors of “dehumanization” of the enemy hold an important place. It is noted that in rare cases Andogsky resorted to grotesque and sarcastic techniques aimed at ridiculing the enemy, especially political leaders (Lenin, Trotsky, Zinoviev). The “uncompromising” nature of his journalism reflects trends in the formation of stable “White” positions in relation to Germany, the Bolsheviks, Skoropadsky, Petliura, allies, etc. It is emphasised that the life and attitudes of such people as General Andogsky represent the canonical image of a White officer in culture, literature and cinematography.

Keywords: Civil War, A.I. Andogsky, journalism, military reports, reconstruction of subjectivity, image of the “White” officer, South-West Russia.

Гражданская война в России, равно как и внутренние междоусобицы в других странах и культурах, представляет собой мировоззренческий феномен. Он выступает лакмусовой бумажкой, проявляющей степень гомогенности национальной идентичности, отвечающей на вопрос о том, можно ли считать цивилизационной единицей то, что ранее называлось одной страной. Исследование интенций участников гражданской войны открывает путь к достижению фундаментальной цели – выяснению истоков произошедшего.

В настоящей работе хотелось бы обратиться к одному из действующих лиц тех событий – участнику Русско-японской и Первой мировой войн, последнему начальнику Николаевской академии Генерального штаба (1917–1922 гг.) генерал-майору А.И. Андогскому.

Считается, что после октябрьских событий 1917 г. в Петрограде генерал сотрудничал с большевиками. Эта точка зрения имела широкое хождение и в бытность Андогского. Сам же он позднее вспоминал, что «стремление большевиков разрушить старую боевую армию побудило конференцию академии сразу же принять меры к тому, чтобы спасти от разгрома как самую академию, так и три сотни старых кадровых офицеров и сохранить их до лучших дней для борьбы за возрождение России» (Андогский 1919а).

Обстоятельства эвакуации академии из большевистского Петрограда в Екатеринбург в марте 1918 г., а затем, в двадцатых числах июля того же года, в Казань по-прежнему остаются темным местом в историографии гражданской войны.

В мемуарной и современной исследовательской литературе отражена установка на то, что эвакуация Николаевской академии носила антибольшевистский подтекст, что вполне укладывается в классической подход к истории Белого движения. Ее придерживалась

целая группа историков (В.М. Воинов, И.Ф. Плотников, А.Г. Кавтарадзе, И. Модсли и др.).

Вместе с тем историк В.В. Каминский называет это «крайне политизированной версией "измены" академиков большевикам». Последний утверждает, что «измена» носила «случайный» характер. Исследователь указывает на то, что академия пользовалась заботливой опекой большевистского наркомвоенна Троцкого, а эвакуация академии из голодного Петрограда (решение о ней принимал именно Троцкий) диктовалась желанием «обустройства чисто "бытовых проблем" ее персонала», «чтобы АГШ (Академия Генерального штаба. – С.Ф., А.С.) в спокойном месте продолжала бесперебойно готовить профессионально грамотный комсостав для РККС» (Каминский 2012: 120). А.И. Андогский, впрочем, отмечал, что предлогом для эвакуации стала «опасность занятия Петрограда германцами и недопустимость академии попасть в руки врага» (Андогский 1919а).

Каминский делает акцент на том, что как в Петрограде, так и в Екатеринбурге «преподаватели АГШ свою работу по подготовке будущего комсостава РККА выполняли вполне добросовестно, и столь же добросовестно студенты АГШ посещали занятия» (Каминский 2012: 117). Лояльности академиков по отношению к большевикам в немалой степени способствовали и «социально-бытовые настроения преподавателей и студентов АГШ» (Каминский 2012: 125).

Полемично заостряя столь непарадные и негероические обстоятельства «расставания» академии с большевиками, Каминский пишет: «Специфика ситуации в том и заключалась, что на самом деле не преподаватели и студенты АГШ в начале августа 1918 г. "проникли на территорию, занятую чехословаками...", а наоборот – чехи стремительно захватили территорию, где оказалась в данное время академия!» (Каминский 2012: 116).

Отметим, что иной точки зрения на этот вопрос придерживается историк А.В. Ганин, который в своей статье указывает на негативные стороны пребывания академии в Петрограде. «Как профессорско-преподавательский состав академии, – подчеркивает он, – так и слушатели старшего класса 3-й очереди в целом в этот период были настроены антибольшевистски» (Ганин 2014а: 78).

Так или иначе, попав в сферу влияния чехословацкого корпуса, академия подчинилась новым обстоятельствам. Вскоре она переместилась в Томск (Андогский 1919а), где ее работа достаточно скоро возобновилась. Уже в ноябре 1918 г. Колчак отдал приказ об открытии в ней младшего класса ускоренных курсов 4-й очереди (Ганин 2015: 14). Члены профессорско-преподавательского состава академии назначались на различные посты в Военном министерстве и армии

(Андогский 1919а). Для поддержания процесса подготовки офицеров, как отмечал М.А. Иностранцев, «работа потребовалась весьма интенсивная» (цит. по: Ганин 2015: 16).

В Томске Николаевская академия влилась в богатый культурно-исторический фон старейшего академического сообщества Северной Азии, что задавало особый контекст его развития. Академия разместилась в местном здании Дома науки. Ректор Томского университета профессор А.П. Поспелов в начале 1919 г. послал на имя Андогского, приславшего поздравление «всему составу университета» с традиционным Татьянинным днем, «пожелания академии плодотворной работы в новом временном месте» (ГАТО). Это послужило дополнительным маркером «легитимизации» академии в связи с ее «большевистским прошлым».

Продемонстрировав свою лояльность белой власти, А.И. Андогский тем не менее оставался в числе «подозрительных» лиц. Из-за пребывания академии «на советской территории и работы по подготовке генштабистов для РККА» (Ганин 2015: 14) одно время ее предлагалось закрыть. В немалой степени личные качества генерала «позволили сохранить академию в условиях Смуты» (Экштут 2015).

Деятельность А.И. Андогского в годы гражданской войны выстраивалась, как отмечал А.В. Ганин, «ради великой идеи – спасения академии» (Ганин 2014b: 266). Понесенные при этом «репутационные потери» не позволили Андогскому занять предлагавшийся ему пост начальника штаба Верховного главнокомандующего при адмирале Колчаке (Экштут 2015). Тень прошлого преследовала генерала, быть может, до конца его дней.

В Томске А.И. Андогский проявил себя в новой ипостаси – как военный обозреватель и политический публицист. Здесь он начал публиковать на страницах газет «Сибирская жизнь» и «Русская армия» военные обзоры гражданской войны, а также тематические статьи.

Всего с ноября 1918 г. по январь 1919 г. на страницах «Русской армии» было размещено 18 публикаций Андогского, а затем, с января по ноябрь 1919 г., – 50 публикаций в «Сибирской жизни». Отметим, что в 1919 г. он продолжал печататься в «Русской армии» под псевдонимом Волховский. Среди публикаций – аналитические обзоры боевых действий в широком географическом диапазоне: в Оренбургском, Уфимском, Екатеринбургском районах, Перми, на Урале, севере России, Дону, Кубани и Кавказе, в Сибири, Прибалтийском крае, Польше, на Украине. Последняя представляет основной предмет, на котором мы сфокусируем исследование.

Следует отметить, что А.И. Андогский в своих военных сводках, пользуясь источниками Российского телеграфного и ряда иностранных информационных агентств, а также слухами, доходящими из

Европейской России, не только освещал чисто боевые аспекты, но и воссоздавал более широкий фон гражданской войны, вобравший в себя социально-политические и, что немаловажно, идеологические факторы. Данный подход выливался и в публицистические статьи. Такова, например, статья «Колесо фортуны», где автор торжествует по поводу поражения Германии. Или заметка «О большевизме», в которой Андогский уже высказывает свою тревогу по поводу распространения «большевицкой заразы». Или одна из статей в серии «Положение дел в “Большевиции”», где дана депрессивная зарисовка социально-экономического, а также ментального состояния на территориях, подконтрольных большевикам, – в России, «стонущей под большевицким игом» (Андогский 1919b).

Вышеозначенные источники обладают потенциалом для достижения ключевой для нас цели – реконструкции субъективности русского офицера А.И. Андогского, а на основании этого – психологических предпосылок формирования «белого» мифа.

Сколь много сомнений ни вызывал бы эпизод из жизни нашего героя, связанный с его загадочными взаимоотношениями с большевиками, на страницах исследуемых сводок и статей А.И. Андогский предстает перед нами в образе русского патриота с дореволюционно нагруженными смыслами этого понятия. Эти публикации в газетах «Белой Сибири», на наш взгляд, достаточно убедительны в своей искренности, прямолинейности и эмоциональности и подчас не оставляют места для сомнений в том, что их автор ненавидит большевизм как явление и в сознании его всегда есть место для тоски по умирающему «многострадальному» Отечеству.

Тому способствует и внутренний, «биографичный» контекст, личностный бэкграунд автора. Рожденный в дворянской семье, А.И. Андогский получил блестящее образование, окончив юридический факультет Санкт-Петербургского университета, а затем и Николаевскую академию. Женат был на дворянке Александре Петровне. Для нее этот брак был вторым. От первого мужа у нее осталось трое детей, которые перешли на попечение Андогского. Кроме того, в браке родились еще две дочери и сын. На военной службе А.И. Андогский проделал путь от рядового лейб-гвардии Московского полка до генеральской должности. Он был из тех людей, чья жизнь и мнения стали каноном образа белого офицера, впоследствии запечатленного в литературе и кинематографе, из тех, кто был обречен стать врагом большевиков, а потому и путь конфронтации с большевизмом был для генерала во многих отношениях предрешенным.

Наиболее явно эти установки проявляются в публикациях Андог-

ского о событиях на юго-западе страны – «одной из богатейших и лучших провинций России» (Андогский 1919с). Учитывая сельскохозяйственный и сырьевой потенциал украинских земель, овладение ими приобретало для воюющих сторон характер стратегических целей. Отсюда и драматические коллизии, отраженные в сводках и статьях Андогского в связи с событиями на этой далекой от Сибири территории.

И началась эта история с капитуляции Германии в ноябре 1918 г. и последовавшего за ней восстания под руководством С. Петлюры против гетмана Скоропадского. Как известно, последний был ставленником Германии, что является важным фактором в рассуждениях А.И. Андогского. Для того чтобы определиться с базовыми конфигурациями мировоззрения генерала, отметим, что для него как автора исследуемых материалов большевизм предстает в образе абсолютного зла (что явно проявляется в риторике, но об этом ниже). Германия же выступает «союзником» красных и обителью этого зла.

Все те известные обвинения в адрес большевиков, связанные с немецким влиянием, предательством Отечества и пресловутыми немецкими деньгами, занимали не последнее место в его публицистике. «Только благодаря громадной денежной помощи Германии, – писал Андогский в своей статье с говорящим названием "Германская рука", – большевики могли крепко стать в России, одурачив путем агитации и подкупов темные и некультурные массы рабоче-крестьянского населения ее. Из Германии же приехали под особым покровительством и главнейшие советские руководители, поддерживавшие с Берлином самые оживленные сношения. Подстрекаемые германским правительством и германским Генеральным штабом и щедро ими подкупаемые советские заправилы, инсценируя давление обстановки и разлагая боевую мощь старой русской армии, подвели несчастную Россию к позорному Брестскому миру, который должен был закрепить расчленение России на ее прежние составные части на принципе самоопределения народов, без аннексий и контрибуций» (Андогский 1919d).

Знакомая нам лексика, тональность и содержание не должны удивлять нас своей банальностью – тогда это было началом. И если Скоропадский являлся марионеткой Германии, а Петлюра выступал против его режима, то отсюда автоматически вытекает и вполне лояльное и благоприятное отношение генерала Андогского к одиозной фигуре последнего – во всяком случае, как к союзнику, которому приходилось «подавлять беспрестанные вспышки большевизма внутри занимаемых им территорий» (Андогский 1919с). В качестве ремарки отметим, что вполне вероятны и заблуждения Андогского в оценках

личностей гражданской войны, что не в последнюю очередь связано с его малой информированностью. Абстрагируясь от данного аспекта, подчеркнем, что и ошибки генерала имеют своеобразную ценность в рамках поставленной цели исследования.

Установившаяся власть Директории в провозглашенной Украинской Народной Республике вызывала симпатии Андогского своим жестким отношением к большевикам и внутренней фронде в целом, а затем и сопротивлением наступавшим частям Красной армии. Он с явно досадными интонациями отмечал: «Внутренняя борьба, видимо, в слишком значительной мере ослабляет и петлюровцев, и гетманцев; ослабляет настолько, что они уже не могут воспрепятствовать продвижению большевиков на юг» (Андогский 1919с).

Весной 1919 г. его заметки пестрели сведениями о продвижении большевистских войск в сторону Украины. «Фронт этот чрезвычайно важен для большевиков, – подчеркивал он, – так как они стремятся к хлебородным местностям и к угольному бассейну, а ведь хлеба и угля у них теперь и недостает больше всего» (Андогский 1919е).

Экономический аспект в военных сводках действительно обрисован как ключевой. И особенно рельефное исполнение он получил в упомянутой ранее мрачной зарисовке положения дел в стане большевиков. Здесь перед нашим взором предстает безотрадная картина «великого разрушения», «в котором находятся все отрасли народной жизни и государственного хозяйства и которое достаточно резко и определенно характеризует ту темную бездну, в которую так беспросветно погружена значительная часть территории нашей многострадальной Родины». Это нехватка продуктов питания, голод и смерть тысяч людей, в том числе и детей, «повсеместная тифозная эпидемия», кабальные налоги («всякие признаки крестьянской домовитости обложены налогом»), факторы, «разлагающие народную жизнь», проявлявшиеся прежде всего в «издевательстве большевиков над религиозными чувствами населения и преследование ими духовенства». «В недалеком будущем большевики намерены закрыть все церкви», – резюмирует автор (Андогский 1919b).

Для Андогского посему не было удивительным, что большевики стремились «овладеть Украиной во что бы то ни стало, чтобы захватить уголь в Донецком бассейне и остатки богатейших и не вполне вывезенных германцами запасов хлеба и сахара». Красные, несмотря на печальное положение дел в своем тылу, наступали, а войска Директории отходили на запад. Из Сибири ему тогда казалось, что столь важная цель врагом была достигнута. Андогского, однако, успокаивал тот факт, что для этого «успеха» «большевикам пришлось оттянуть к южному фронту решительно все резервы, рискуя поражением на

других фронтах, как это и оказалось в действительности» (Андогский 1919f). Еще больше успокоения приносили известия об антибольшевистских восстаниях на Украине (Андогский 1919g).

Однако истинный восторг и триумф у генерала Андогского вызвало летнее наступление Деникина, которое «совершенно сводит к нулю все успехи, недавно достигнутые большевиками на юге России». Еще большие перспективы таились в воссоединении белых войск и частей Директории – «петлюровцев», приближавшихся «к Екатеринославу и к Полтаве со стороны Днепра». «Большевики вопиют о грозной опасности, нависшей над Харьковом, Воронежем и от Царицына над Саратовом», – писал Андогский в июне месяце 1919 г. (Андогский 1919h). В то время он еще не подозревал, какой исход готовит история. Пока же у генерала было время насладиться надвигавшимся на его врагов «неумолимым роком». «Никаких надежд на получение угля отсюда у большевиков нет, – писал Андогский об "освобожденном" Донбассе. – Впереди – окончательный застой всей промышленности и транспорта. В этом отношении наступившее лето обмануло все расчеты большевиков, хвастливо раздувшиеся после их весенних успехов на Украине и на Дону» (Андогский 1919h).

Украинский «параболический» поворот в период гражданской войны давал безупречные поводы и для торжества, и для разочарования. На этой земле, где избыточность – естественный атрибут бытия, за год произошли события, сначала заставившие отчаяться из-за поражения, а затем поверить в скорую победу. Впрочем, для героя нашей статьи Украина была всего лишь микромоделью всего Отечества, сила которого превращала действия большевиков в «энергию отчаянья»; отсюда вытекали и метафоры рока и безысходности. «Простое воспроизведение большевистских сводок за короткий период в 2 недели, – писал он в июне 1919 г., – дает возможность каждому, не смотря на карту, отдать себе отчет, что советское правительство мечется в железном кольце, которое все больше и больше сжимается, грозя удушить попавших в него насильников» (Андогский 1919k).

«Железная клетка» – лишь одна из метафор, приоткрывающая мир установок генерала Андогского. Такими эмоциональными печатями отмечена вся его публицистика, образуя достаточно живописный словарь, что ясно отчасти из уже вышеприведенных цитат. Так, для обозначения большевиков он использовал такие образы, как «насильники и грабители», «полуразбойничьи банды», «изуверы», готовящие «русскому народу темную пучину беспросветного умственного и нравственного мрака, в котором все низменные инстинкты человека-зверя могут получить полное развитие» (Андогский 1919k).

Генерал сравнивает большевизм с «ужасным кошмаром, ужасной

психической болезнью», а русский народ и родную страну по принципу бинарной оппозиции рисует «многострадальной» жертвой, «пораженной тяжелым недугом». Обесчеловечивание как манипулятивная стратегия в публицистике Андогского достигает высочайшего уровня, демонстрируя врага, прибегавшего к «жесточайшей палочной дисциплине» и потакавшего «пламенным, разбойничьим инстинктам». Нашел свое отражение в ней и традиционный для классической «белой» клишированной пропаганды этнонациональный аспект – по отношению к лидерам большевиков, естественно: «Нерусские и неславянские руководители большевизма сковывают жестокою дисциплиною принудительно загнанных в красную армию славян» (Андогский 1919l).

Впрочем, редкое разнообразие в систему этих пугающих образов вносят гротескно-саркастические гаммы. К примеру, комментируя недолгий триумф красных в Венгрии, А.И. Андогский отмечал: «Конечно, об образовании в Венгрии советского правительства тотчас было сообщено в Москву по беспроволочному телеграфу. Ленин объявил себя вождем международного пролетариата. Событие было раздуто по всему миру до последней степени» (Андогский 1919i). Сюда же можно отнести и «исступленные вопли Троцкого и Зиновьева, призывающих петроградский пролетариат на решительную борьбу за советскую власть» (Андогский 1919j). Особое звучание последнему образу придает то, что в Петрограде А.И. Андогский лично контактировал с Троцким по служебной линии. Еще более любопытно то, что, по свидетельству Иностранцева, генерал отзывался о «железном наркоме» как об «очень умном человеке», который «разбирается в весьма специальных военных вопросах, быстро все схватывает и чутьем улавливает военные потребности» (цит. по: Ганин 2014а: 55).

До крайности субъективная, отчасти тенденциозная, нередко эмоциональная публицистика генерала и профессора Андогского в определенной мере испытала на себе влияние славянской ментальности. Размерность «славянского единства» он использовал еще в ноябре 1918 г., образно обрисовав противостояние «униженного славянства» и стоявшего перед ним «пангерманского колосса», сливавшегося с большевизмом в образе предельного воплощения зла. «Он неожиданно получил большой удар в самую чувствительную точку своего громадного змеевидного тела, простиравшегося от Балтийского моря до Персидского залива», – писал Андогский (Андогский 1919n). Прибегнуть к использованию славянских идентичностных кодов заставил его тот самый уготованный историей исход в развязке «украинской истории», которая всем нам, конечно же, известна.

Общность целей Петлюры и Деникина заканчивалась ровно там,

где начиналось изгнание большевиков с Украины. О стремлениях Петлюры к независимой Украине, идущих вразрез с политикой «белых», направленной на сохранение целостности России, догадывался и сам А.И. Андогский при всех своих симпатиях к главе Директории Украинской Народной Республики. Все же «шероховатости» и «темные пятна» в отношениях генерала Деникина и Петлюры стали для него «досадной распрей», что и вошло в заголовок одной из последних статей Андогского в «Сибирской жизни». «Мы не сомневаемся, – писал он, – что доблестные войска генерала Деникина сумеют преодолеть и это новое испытание на пути к победе над большевиками. Но чрезвычайно досадно, что среди недавних соратников, объединенных, казалось, прочно в едином стремлении – бить большевиков, ныне обнаружилось такое крупное расхождение, которое принесло к их взаимному истреблению и ослаблению усилий против общего врага». И далее: «Несчастливая болезнь славян – взаимные распри, постоянно их ослабляющие, сказались и в данном случае» (Андогский 1919m).

Славянский аспект нашел свое законченное выражение в статье «Наше славянское преступление». «Когда же, наконец, славяне поборют свою несчастную страсть к распрям, так ослаблявшим их на протяжении их всей исторической жизни?» – задавался вопросом, во многом риторическим, генерал. В ней А.И. Андогский уже предчувствовал конец «белого» мира. Впрочем, заочно отыскивая истоки крушения, он находил их в том самом пресловутом отсутствии единства, что было для него альфой и омегой возможной и временами столь близкой победы.

Действительно, по ту сторону зла (читай: большевизма и пангерманизма) для него были приемлемы любые силы в этой борьбе – и не только внутри страны. Он приветствовал союзников, польскую, финляндскую, даже греческую армии. В последней, по его словам, «большевизм не прививается». Надо сказать, что и Германия, скинувшая имперскую цепь, в представлениях Андогского была потенциальной жертвой большевизма. «Большевизм – средство весьма сильнодействующее и опасное не только для бедняка славянина», – писал он, развивая свою «инфекционную» метафору (Андогский 1919l).

В октябре 1919 г. Николаевскую академию Генерального штаба было решено эвакуировать во Владивосток. Считается, что Колчака убедил в необходимости этого решения лично А.И. Андогский. Его последняя статья была опубликована в номере «Сибирской жизни» за 2 декабря 1919 г. В конце ее было подписано: «Станция Тайга». В 20-х числах того же месяца в Томске была восстановлена советская власть. Генерала же ждал долгий путь на восток.

Он занимал должность начальника академии до 1922 г. и, само

собой, был в этом качестве последним. В том же году недолгое время был городской головой Владивостока. Затем – в эмиграции, сначала в Японии, где одно время читал лекции наследному принцу Хирохито, затем в Маньчжурии, а с 1923 г. – в Харбине. Здесь он занимался исследованиями военных вопросов, преподавал, был директором 1-го реального училища, заведующим кафедрой финансового и железнодорожного права в Институте ориентальных и коммерческих наук.

Отмечается, что в эмиграции А.И. Андогский, не оставляя планы антикоммунистической борьбы, собирался «создать несколько десятков летучих партизанских отрядов», «хорошо вооруженных и знающих местность, для работы среди населения Приморья, Забайкалья и Заамурья» (Балакшин 1958: 117). Скончался генерал 25 февраля 1931 г. По одной версии – от стенокардии, по другой – в результате суицида.

Эпиграфом к процитированной выше книге П.П. Балакшина были избраны слова американского философа Дж. Сантаяны: «Цивилизация, вероятно, приближается к одной из тех длинных зим, которые наступают время от времени». Генерал Андогский отразил в своей публицистике как свою личностную субъективность, так и субъективность представителей нескольких поколений, понесших поражение в гражданской войне в России в 1918–1922 гг. Образ «длинной зимы» развивает тезис о радикальной бескомпромиссности этой борьбы, исход которой оборачивается «апокалипсическими» последствиями для проигравших. А.И. Андогский до последнего держался этой бескомпромиссности и продолжал взывать к единству – тому единству, которого не было.

ЛИТЕРАТУРА

Андогский 1919a – *Андогский А.И.* Академия Генерального штаба в 1917–1918 гг. // Сибирская жизнь. Газета политическая, литературная и экономическая. Томск, 1919. 22 янв.

Андогский 1919b – *Андогский А.И.* Положение дел в «Большевизии» // Сибирская жизнь. 1919. 13 марта.

Андогский 1919c – *Андогский А.И.* Положение на юге России. Украина // Сибирская жизнь. 1919. 18 февр.

Андогский 1919d – *Андогский А.И.* Германская рука // Сибирская жизнь. 1919. 6 нояб.

Андогский 1919e – *Андогский А.И.* Положение дел в «Большевизии» // Сибирская жизнь. 1919. 6 марта.

Андогский 1919f – *Андогский А.И.* Положение дел на Украине // Сибирская жизнь. 1919. 17 апр.

Андогский 1919g – *Андогский А.И.* Оценка событий на общем фронте борьбы с большевиками // *Сибирская жизнь*. 1919. 27 мая.

Андогский 1919h – *Андогский А.И.* Неумолимый рок // *Сибирская жизнь*. 1919. 24 июня.

Андогский 1919i – *Андогский А.И.* Поражение советской власти в Венгрии // *Сибирская жизнь*. 1919. 14 мая.

Андогский 1919j – *Андогский А.И.* Оценка положения на общем фронте борьбы с большевизмом // *Сибирская жизнь*. 1919. 30 окт.

Андогский 1919k – *Андогский А.И.* В железной клетке // *Сибирская жизнь*. 1919. 12 июня.

Андогский 1919l – *Андогский А.И.* Наше славянское преступление // *Сибирская жизнь*. 1919. 2 дек.

Андогский 1919m – *Андогский А.И.* Досадная распря // *Сибирская жизнь*. 1919. 13 нояб.

Андогский 1919n – *Андогский А.И.* Колесо фортуны // *Русская армия*. Газета военная, общественная и литературная. Омск, 1918. 24 нояб.

Балакшин 1958 – *Балакшин П.П.* Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Сан-Франциско; Париж; Нью-Йорк: Сириус, 1958. Т. 1. 434 с.

Ганин 2014a – *Ганин А.В.* Переход военной академии на сторону антибольшевистских сил в Екатеринбурге и Казани (июль–август 1918 г.) // *Известия Лаборатории древних технологий*. № 2 (11). 2014. С. 54–80.

Ганин, 2014b – *Ганин А.В.* Закат Николаевской военной академии: 1914–1922. М.: Книжница, 2014. 768 с.

Ганин, 2015 – *Ганин А.В.* Подготовка кадров Генерального штаба в «белой» Сибири в 1919 году // *Военно-исторический журнал*. 2015. № 2. С. 14–18.

ГАТО – Государственный архив Томской области. Ф. 102. Оп. 1. Д. 854. Л. 58.

Каминский 2012 – *Каминский В.В.* Некоторые обстоятельства «путешествия» Николаевской академии Генерального штаба из Екатеринбурга в Казань 23–24 июля 1918 г. (часть I) // *Новейшая история России (Modern history of Russia)*. 2012. № 1. С. 116–131.

Экштут 2015 – *Экштут С.А.* Догоревшие свечи. Рец.: Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии: 1914–1922. М.: Книжница, 2014. 768 с.: ил. // *Историческая экспертиза*. 2015. № 4. С. 95–97.

REFERENCES

Andogsky, A.I. (1919a) Akademiya General'nogo shtaba v 1917–1918 gg. [General Staff Academy during in 1917–1918]. *Sibirskaya zhizn'*. 22nd January.

Andogsky, A.I. (1919b) Polozheniye del v "Bol'shevizii" [The state of affairs in "Bolshevism"]. *Sibirskaya zhizn'*. 13th March.

Andogsky, A.I. (1919c) Polozheniye na yuge Rossii. Ukraina [The situation in the south of Russia. Ukraine]. *Sibirskaya zhizn'*. 18th February.

Andogsky, A.I. (1919d) Germanskaya ruka [The German hand]. *Sibirskaya zhizn'*. 6th November.

Andogsky, A.I. (1919e) Polozheniye del v "Bol'shevizii" [The state of affairs in "Bolshevism"]. *Sibirskaya zhizn'*. 6th March.

Andogsky, A.I. (1919f) Polozheniye del na Ukraine [The situation in the Ukraine]. *Sibirskaya zhizn'*. 17th April.

Andogsky, A.I. (1919g) Otsenka sobytiy na obshchem fronte bor'by s bol'shevikami [Assessment of events on the general front of the struggle against the Bolsheviks]. *Sibirskaya zhizn'*. 27th May.

Andogsky, A.I. (1919h) Neumolimyy rok [Relentless doom]. *Sibirskaya zhizn'*. 24th June.

Andogsky, A.I. (1919i) Porazheniye sovetsoy vlasti v Vengrii [The defeat of Soviet power in Hungary]. *Sibirskaya zhizn'*. 14th May.

Andogsky, A.I. (1919j) Otsenka polozheniya na obshchem fronte bor'by s bol'shevizmom [Assessment of the situation on the general front of the struggle against Bolshevism]. *Sibirskaya zhizn'*. 30th October.

Andogsky, A.I. (1919k) V zheleznoy kletke [In an iron cage]. *Sibirskaya zhizn'*. 12th June.

Andogsky, A.I. (1919l) Nashe slavyanskoye prestupleniye [Our Slavic crime]. *Sibirskaya zhizn'*. 2nd December.

Andogsky, A.I. (1919m) Dosadnaya rasprya [An annoying strife]. *Sibirskaya zhizn'*. 13th November.

Andogsky, A.I. (1918) Koleso fortuny [The wheel of fortune]. *Russkaya armiya*. 24th November.

Balakshin, P.P. (1985) *Final v Kitaye: vzniknoveniye, razvitiye i ischeznoveniye beloy emigratsii na Dal'nem Vostoke* [The final in China: The emergence, development and disappearance of the White Emigration in the Far East]. Vol. 1. San-Francisco, Paris, New-York: Sirius.

Ganin, A.V. (2014a) Perekhod voyennoy akademii na storonu antibol'shevistskikh sil v Yekaterinburge i Kazani (iyul'-avgust 1918 g.) [The transition of the military academy to the side of anti-Bolshevik forces in Ekaterinburg and Kazan (July-August 1918)]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy*. 2(11). pp. 54–80.

Ganin, A.V. (2014b) *Zakat Nikolayevskoy voyennoy akademii: 1914–1922* [Decline of the General Staff Academy: 1914–1922]. Moscow: Knizhnitsa.

Ganin, A.V. (2015) Training of the General Staff's cadre in the "White" Siberia in 1919. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal – Military Historical Journal*. 2. pp. 14–18. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 102. List 1. File 854.

Kaminskiy, V.V. (2012) Some particulars of the "voyage" of the Nicolas Academy of the General Staff from Ekaterinburg to Kazan' (July 23–24, 1918) (part I).

Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia. 1. pp. 116–131 (In Russian).
Ekshtut, S.A. (2015) Dogorevshiyе svechi [Burnt candles]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 4. pp. 95–97.

Фоминых Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Sergey F. Fominykh – Tomsk State University (Russia).

E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Степнов Алексей Олегович – аспирант исторического факультета, лаборант лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета (Россия).

Aleksey O. Stepnov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: ASAOM@yandex.ru